

Интервью с Людмилой Владимировной ЛЕБЕДЕВОЙ

«ТОГДА Я ВПЕРВЫЕ СТОЛКНУЛАСЬ С СОЦИОЛОГИЕЙ И С ТЕМОЙ АВТОБИОГРАФИИ»

Лебедева Л. В. — окончила исторический факультет Тюменского педагогического института (1975 г.), кандидат философских наук (1986 г.), доцент каф. общей и социальной психологии Института психологии и педагогики Тюменского государственного университета. Основные области исследования: морфология жизненного пути человека, жизненный и профессиональный опыт в автобиографическом нарративе, биографический метод исследования автобиографического дискурса. Интервью состоялось: май – сентябрь 2014 г.

Я давно знаю Людмилу Владимировну Лебедеву, в интервью обращаюсь к ней — Люда. Знаю, ее научные интересы, у нас есть общие добрые коллеги. Но вот почему-то не предлагал ей рассказать о себе. Отчасти потому, что была «мечта» закончить сбор данных и надо было закончить ранее начатые интервью. Но к началу лета обнаружилось, что интервью стало «много», а «много» тяготеет к больше. В мае я написал Люде, что хотел бы провести с ней биографическое интервью, был рад ее согласию, а одна из частей ее ответа вызвала мое желание начать нашу беседу немедленно. Вот эти слова: «Тема предков (предшественников нам) в нашей семье жива. Мои пра-пра деды и бабушки в Тюмени появились в 60-х годах 19 века. Мои прадеды были первыми врачами в Тюмени... Мы собираем сведения о них и надеемся к лету оформить возможно полную родословную, чтобы передать ее внукам, седьмое колено.

В последние годы мой историко-биографический проект «сам», изнутри стал развиваться в двух направлениях: приобретать историко-наукоеведческую и социально-культурологическую окрашенность. Многие, вспоминая предков, рассказывали о драматических событиях в своих семьях, происходивших в 1917-1937 годах. Рассказ Людмилы Лебедевой — один из самых густых, жестких в своей непосредственности. Сказанное ею можно обозначить как «обыденность драматизма». И очевидно, что до ее поколения, конца 1940-х, волна этого обыденного драматизма дошла, и ее слова: «чтобы передать внукам» — свидетельство незатухания общественной памяти.

Лебедева пишет, что она смирилась с мамиными советами и поступила на исторический факультет Тюменского педагогического института. Мне думается, что решение мамы не было спонтанным, прошлое их рода, близких людей, города пронизывало жизнь семьи. Историческое образование дочери было естественным. Затем — интерес к личной истории и автобиографиям, знакомство с исследованием У. Томаса и Ф. Знанецкого и вхождение в социологию.

Мне приятно отметить, что мое допущение о биографичности социологического творчества нашло еще одно подтверждение.

Лебедева Л. В.: «Тогда я впервые столкнулась с социологией и с темой автобиографии»

Люда, я очень благодарен Вам за согласие рассказать о себе, о своей работе в социологии. Я уже десять лет интервьюирую наших коллег, и вижу, как каждая новая беседа обогащает историю становления и развития нашей науки и нашего профессионального сообщества. Вы знаете, я давно связан тюменской социологией, и нам будет, о чем поговорить. Но начать я хочу с темы, которую вы пару дней назад мимоходом обозначили. Вы написали: «Тема предков (предшествующих нам) в нашей семье жива. Мои пра-пра деды и бабушки в Тюмени появились в 60-х гг. XIX века».

Пожалуйста, расскажите о прошлом Вашей семьи. Как, почему и откуда Ваши пра-пра деды и бабушки перебрались в Тюмень? И как это Ваша семья смогла сохранить информацию о том, что было полтора века назад?

Память о тех людях, с которых мы «берем отсчет» действительно жива в нашей большой семье. Ее носителями долгое время были моя мама – Кудрюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) и бабушка Горохова Татьяна Михайловна (урожденная Олерская). Наш род, по словам этих замечательных женщин, начался с сельского священника Олерского Егора – протоиерея церкви Николая Чудотворца (год постройки-1876) в селе Перевалово, в 16 км от Тюмени. Как он там оказался – точно не известно. Скорее всего, думаем мы с сегодняшними Олерскими-москвичами, его направили после завершения семинарии. По словам его внучки, а моей бабушки Татьяны Михайловны, такую фамилию о. Егору дали по окончании учебы. Есть сведения, что он в своей семье был не первым ребенком. Первым мальчиком оставляли фамилию отца. Его фамилия была... Лебедев. Лебедь – «олера» с древнегреческого. Такова семейная легенда. Храм в селе Перевалово был разрушен в годы Советской власти, а сегодня восстанавливается. Его сын протоиерей Петр (Олерский) также служил в этом храме. От него и его жены Марфы Ефимовны родились сыновья Михаил Петрович, Сергей Петрович и Кронид Петрович (священники в с. Перевалово, г. Тюмени, и г. Тобольске) и дочери Анна Петровна, Мария Петровна (на которую я, по словам бабушки Татьяны Михайловны, я очень похожа), Елизавета Петровна (моя прабабушка). Род Олерских большой и история его драматична. До революции все сыновья о. Петра Олерского служившие в церкви, впоследствии были репрессированы. Особенно драматична судьба Михаила Олерского, 1892 г. рождения, который в конце 20-х годов переехал в Москву и служил в Елоховском соборе протодиаконем. У него был удивительной красоты голос. Михаил Петрович был арестован по доносу в 1932 и 1937 году. «Олерский Михаил Петрович родился 24 августа 1896 года.

Окончил 1 класс Духовной Семинарии, был певчим в Тюменской опере. Служение – г. Тобольске и г. Омске диаконом с 1914 до 1916, затем диакон в Чите в 1916–1919 г. С 1920 – 1923 года в Тобольске – диакон. С 1923 по 1932 год в Москве – диакон, протодиакон Елоховского Собора.

В конце марта 1932 г. поступил в качестве певца в ГОМЭЦ (Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий). Организовано в 1931 из ранее существовавшего Центр. управления гос. цирками (ЦУГЦа) и влившихся в него эстрадных и филармонических организаций. Находилось в ведении Наркомпроса РСФСР. Состояло из неск. крупных управлений (музыкально-эстрадного, филармоний, циркового, аттракционов и зоопредприятий). Располагало значит, сетью отделений на периферии – <http://cult.vslovar.org.ru/1544.html>, но сан не снимал и связи с религией не порывал. Антисоветских разговоров избегал, Аресты: Москва 15 апреля 1932 года. Обвинение при аресте: «проведение систематической антисоветской агитации». Осуждение коллегии ОГПУ: год осуждения – 4 мая 1932. Обвинение при осуждении – «группировка вокруг церквей г.Москвы, проведение среди церковников а/с агитации и распространение всякого рода к-р провокационных слухов», статья обвинения ст.58–10 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освободить. Но вскоре снова арест по групповому делу «Дело священника Александрова Николая Львовича и др. Москва, 1932 г.»

Места заключения – Москва, Бутырский изолятор ОГПУ. Время заключения – 10 мая 1932 г. Дальнейшая судьба неизвестна». Информация из документа ЦА ФСБ РФ. Д.Р–34935. Источник: (с) Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет). В перестроечные годы его дочери Татьяне Михайловне на Лубянке показали папку с доносом и делом ее отца. Так мы узнали его судьбу: отправлен т.н. Мандельштамовским эшелонем (предположительно в Карлаг), где и погиб. Креста не снял и был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских, в XX веке (см. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет, сайт, список). Когда арестовали «деда Михайло» – так его называла моя мама, его семью выслали из Москвы. Всех приютила моя бабушка Александра Алексеевна Никольская – открытой и доброй души человек. Все тюменские родственники побоялись это сделать, а она – нет. Но о ней рассказ впереди.

Драматична история и другого сына Петра Олерского – Сергея Петровича. Он жил в Тобольске и у него было много детей, Когда его арестовали в первый раз, вернувшись из ЧЕКа, он снял с себя сан и уехал на южный Урал, где впоследствии работал инженером. Вырастил всех детей, дал образование. Его дочь, одна из моих бабушек, Уирко Сергеевна рассказывала мне, как утром (после ночного ареста отца) они с братом пришли в школу, то дети кричали: «Враги народа!» и бросали в них камни. Это было для нее шоком и детской травмой, с которой она прожила всю жизнь.

Вообще, в нашем роду по линии Олерских было пять священников (двое – репрессированы и погибли в лагерях). Это, конечно, не полная информация о них. Предстоит работа в Тобольском архиве. Насколько мне известно, в Тобольске и сегодня проживают Олерские. Живут потомки славного рода в Сибири, на Урале (в Екатеринбурге и Миассе, в Москве, в Израиле). Моя мамочка пока была жива, поддерживала переписку со многими из них. Сегодня, не со всеми у меня близкая связь. Пожалуй, только с москвичами, а это уже 5, 6 и 7 поколение Олерских.

Другая линия нашей большой семьи — род купцов Молодых. Первым, кого мама — носитель памяти, помнит — Молодых Гавриил Тимофеевич. По фамилии — сибирского происхождения. Он был купцом — чаеоторговцем, владелец торгового дома «Торговля чаем Молодых», который он передал во владение сыну Молодых Алексею Гавриловичу. Отец и сын ездили в Китай и покупали там чай. В конце 19 века Алексей Гаврилович увлекся Толстовством и поселился на заимке недалеко от Тюмени, где у него была своя лавка. Он был женат на Елизавете Петровне (урожденной Олерской) — сельской учительнице, которая окончила епархиальное сельское училище. В 1910 году они переехали в Тюмень, купив большой двухэтажный дом с постройками на ул. Царево Городище, который сохранился до 2000 года, и где прошло мое детство. К этому времени подросла его дочь Александра Алексеевна (1897—1943) — моя бабушка, и ее нужно было учить в гимназии. У него было еще две дочери и сын (Варвара Алексеевна — провизор, известный в г. Тюмени в свое время человек), Милитина Алексеевна, Михаил Алексеевич. Алексей Гаврилович в Тюмени служил в страховом обществе и умер в 1921 году. Вместе с отцом и другими купцами Тюмени еще до революции, участвовал пожертвованиями в постройке сиропитательного дома с домовою церковью в честь Праведного Симеона Богоприимца. Как тесен мир! В начале 2000 года мы вместе с одним из предпринимателей г. Тюмени участвовали в его реставрации, ведь в Советское время там помещалась кафедра анатомии Тюменского медицинского института. Здание нуждалось в серьезной реставрации после того, как его передали Епархии.

Судьба моей бабушки Александры Алексеевны соединила три рода — Олерских (по матери), Молодых (по отцу) и Никольских (по мужу). Окончив гимназию, Александра Молодых познакомилась со своим будущим мужем Александром Ивановичем Никольским. В 1916 году они вместе уехали учиться в Томский технологический институт, который им не удалось закончить — началась Гражданская война. В Советское время они работали учителями: дедушка Александр Иванович в школе учителем физики, пения, музыки. Он был очень талантливым человеком. Прекрасно рисовал, написал либретто и музыку к опере «Золотой петушок» и поставил ее с детьми. До сих пор сохранилась Программа этой постановки и фотография всех участников этого спектакля. Он прожил немного — любитель охоты, однажды простыл и умер, оставив жену с двумя детьми, примерно в 1930 году. Когда после ареста Олерского Михаила Петровича, его семья из Москвы приехала в Тюмень, моя бабушка была уже вдовой и единственной владелицей большого дома. Она и приютила беженцев, не побоявшись последствий. Она была очень доброй женщиной — так ее вспоминали родственники. Ей приходилось много работать, чтобы поднять двух детей — Нину и Игоря (мою маму и дядю, которые прожили в этом доме всю жизнь).

Пришло время рассказать об еще одном «корне» нашей семьи — Никольских. Никольские — Павел Иванович и Иван Иванович — первые Тюменские врачи.

Больше сохранилось информации о Павле Ивановиче (1860—1922). Последний почетный гражданин Тюмени в дореволюционный период. Окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1911 по 1916 г.г. занимал должность городского головы. Он открыл несколько бесплатных столовых для малоимущих, сделал все необходимое для защиты заречной части Тюмени от наводнений, построил Успенско-Романовское городское начальное училище,

завершил строительство городского водопровода. Много сделал для улучшения медицинского обслуживания горожан. С 1919 по 1922 г. возглавлял первую городскую Тюменскую больницу. Награжден Орденами Святой Анны III степени, Святого Станислава III степени. Звание «Почетный гражданин города Тюмени» присвоено 12 ноября 1916 года за большие заслуги перед городом. По сведениям сотрудников областного музея им. Словцова, ушел вместе с Колчаком и его след потерялся (<http://www.tyumen-city.ru/gorodtyumeny/pocetniegrajdane/pg1/45/>).

Его брат Иван Иванович – окончил медицинский факультет Казанского университета, приехал одновременно с ним, также работал врачом, если не ошибаюсь, статский советник (на фотографии – знак). Иван Иванович женился на француженке, которая преподавала французский язык. К сожалению, я не знаю, каким образом она попала в Тюмень. Она приняла православие с именем Нина Александровна, родила 8 детей, и умерла, дав жизнь последнему ребенку примерно в 1915 году. Оставшись один, мой прадед Иван Иванович вырастил всех, всем дал образование. На фотографии дети стоят «лесенкой». Их няню звали Арина Родионовна.

В нашей семье репрессированы были еще два родственника. Ребрин Константин Петрович (1883 г. р, до ареста – иерей, настоятель храма Михаила Архангела в г. Тюмени, затем – счетовод артели инвалидов «Кондитер». Арестован 5.7.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 10.10.1937 г. Расстрелян в Тюмени 12.10.1937 г. Реабилитирован 9.2.1957 г. Зырянов Александр Николаевич. 1900 г.р., член тюменской коллегии защитников. Арестован 2.10.1937 г. Осужден «тройкой» Омского УНКВД 31.10.1937 г. Расстрелян в Тюмени 3.11.1937 г. Реабилитирован 29.9.1956 г. Это – муж Варвары Алексеевны (урожденной Молодых). Источник «Книга расстрелянных» (<http://www.memo.ru/memory/tumen/index.htm>)

Очень все интересно... возможно, я попрошу Вас кое-что уточнить, а сейчас, пожалуйста, расскажите о Ваших родителях. Кем они были? Отразились ли в их жизни драматические события, произошедшие в их семьях?

Судьбы моих родителей не простые, да и у кого из военного поколения они иные. Мама – Курдюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) – родилась в 1922 году и прожила почти всю свою жизнь доме, который в свое время купил ее дед Молодых Алексей Гаврилович. Это был большой двухэтажный купеческий дом, по улице Царево Городище (до революции), а затем Коммуны. Детство было радостным. Она рассказывала, как родители старались сделать праздники для детей (для мамы и ее брата – Игоря Александровича). Когда Советские органы запретили праздновать Новый год и наряжать елку, то они наряжали большой цветок фикус елочными игрушками.

Мама окончила среднюю школу №1 и педагогическое училище, а затем – педагогический институт по специальности «учитель начальных классов» в г. Тюмени. Так учителем начальных классов и работала всю свою профессиональную жизнь, все 38 лет. Я помню, как она готовилась к урокам, придумывая интересные приемы, чтобы заинтересовать своих маленьких учеников. Уроки были интересными, а знания твердыми, так что у нее учились поколениями: ее бывшие ученики приводили своих детей и внуков. Мама была примером трудолюбия. Я в детстве думала, что она никогда не спит: я засыпала, когда она,

рассказав нам сказку, садилась проверять тетради учеников, когда просыпалась, она готовилась уходить на занятия. Мама очень любила читать и ходить на оперные спектакли, на которые я ходила с ней с 10 лет. В военные годы ей было очень трудно, вначале 1941 года она вместе со своими учениками трудилась на лесозаготовках и торфоразработках. Была осень, холодно и голодно — война. По колению в холодной осенней сибирской воде они пилили на дрова деревья в ближайшем от Тюмени лесу. Конечно, все после этого болели, но кого это волновало: «мы за ценой не постоим».

В 1942—43 году после уроков вместе с детьми шла на Тюменский фанерный комбинат делать ящик для снарядов. Мама рассказывала, что дети были маленького роста и поэтому сначала делали ящички-подставки для себя, чтобы достать до станков. Мама награждена медалью «За трудовое отличие» как участница трудового фронта.

Несмотря на трудные послевоенное время, люди были рады окончанию войны, и готовы были радоваться мирной жизни. Мама была певуньей и бессменным руководителем хора, да и всей художественной самодеятельности начальной школы №3, в которой она проработала большую часть профессионального пути. У мамы есть награды «Ветеран труда (За долголетний добросовестный труд)» и медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Сколько помню себя, нам всегда рассказывалась сказка на ночь, была наряжена елка на Новый год, праздновали веселые дни рождения, ходили на концерты, читали и обсуждались книги. Мама читала каждую свободную минутку. Каждое лето она рассказывала о своей большой семье. Эти рассказы сопровождались фотографиями, которые ею хранились (а теперь и мы храним). Мы жили с ощущением причастности к большому роду трудолюбивых и талантливых, отзывчивых людей. Мы росли, и мама каждый год прибавляла к своему неизменному рассказу новые подробности. Так уже взрослыми, мы узнали, что когда в 1937 году арестовали Олерского Михаила Петровича, из Москвы выслали его семью: жену и двух маленьких детей. Это был уже второй арест и люди боялись последствий. Не побоялась и приютила их моя бабушка Александра Алексеевна Никольская, и они все дружно прожили в нашем большом доме некоторое время, пока не вернулись в Москву. Мама рассказывала обо всех, молчала только о своем дяде Никольском Павле Ивановиче. Много лет спустя, сотрудники Областного музея «Городская дума» нашли в своем архиве данные о городском голове, последнем дореволюционном почетном гражданине г. Тюмени. Тогда только мама рассказала всю историю братьев Никольских в Тюмени. Выяснилось, что он ушел с Колчаком и его след пропал. Нужно сказать, что мама умела хранить семейные тайны и была довольно сдержанным человеком. Так, она отдала почти все семейные иконы в Тюменский Знаменский собор, опасаясь неприятных последствий для семьи.

Отец — Курдюков Владимир Николаевич из семьи дочери сельского священника Василия (фамилия не сохранилась). Родился отец в 1926 году, умер — в 1980 г. Когда начались репрессии, его дед велел дочери уезжать из села и никому не говорить о своем происхождении. Бабушка рассказала о своей истории только моей маме уже в 50-х годах. Отец воевал в звании ст. сержанта, горел в танке, освобождал Ригу, окончил войну механиком авиаотряда. У него есть награды: медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», «За победу над

Германией». (Данные нашла на сайте «Общедоступный электронный банк документов «Подвиг Народа в великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (<http://podvignaroda.mil.ru/?#tab=navHome>)). После войны отец работал шофером. Помню его очень веселым человеком, но знаю о нем мало, т.к. родители расстались, когда мне было 12 лет. У них было трое детей: все девочки.

Понимаю, что жизнь моих родителей была драматичной, т. к. они несли в себе груз опыта войны и потерь. В нашей семье праздник Победы был святым. Мы с детьми всегда ходили на парад, а затем к дедушке (Лебедеву М. В.) и бабушкам, слушали их рассказы о военных годах.

Что из себя представляла Тюмень в Ваши дошкольные и школьные годы?

Город Тюмень, который часто называют «воротами Сибири» в 50–60-е годы был в основном застроен деревянными домами с красивыми дымниками, деревянной резьбой и оставшимися от купцов каменными зданиями. За годы советской власти к 50-м годам были построены административные здания. Архитектурный план дореволюционного города сохранялся. Так, территорию города на две части делила река Тура с единственным деревянным мостом. В центре города административные здания, драматический театр, больница, школы, библиотека, педагогический и сельскохозяйственный институт, рыночная площадь, почтамт. Еще в конце 50-х появился телецентр. Пленные немцы построили высокие кирпичные дома – «сталинки». На востоке город заканчивался Текутьевским кладбищем (по фамилии похороненного там знаменитого тюменского купца). Далее простирались болота. На западе город заканчивался вокзалом. Остальная территория города состояла из небольших районов с колоритными сибирскими названиями Городище, Затюменка, Ямская слобода, Зарека. Промышленные предприятия – либо исконные тюменские (фанерный комбинат, овчинно-шубная фабрика), либо оставшиеся от тяжелых военных лет эвакуированные из центральной части страны небольшие заводы.

Город рос, требовались новые трудовые руки. Поэтому Тюмень начала пополняться молодыми людьми и окрестных деревень. В деревнях жили тяжело, поэтому родители правдами и неправдами освобождали своих детей от колхозной лямки. Паспортов у колхозников не было, и родители буквально выкупали у местного начальства справки, дающие возможность подрастающим детям жить в городе. По рассказам одной моей знакомой, она девочкой сбежала из колхоза и жила у родственников несколько лет на нелегальном положении, пока не появилась возможность получить документ и начать официально работать. В то время открывалось много ПТУ, где молодым людям давались рабочие профессии, так необходимые растущему городу.

В определенном смысле новую жизнь Тюмень обрела с открытием нефтяных месторождений в 60-е годы. Буквально выросли на глазах огромные (по тем меркам) здания в которых находились главки: Главтюменнефтегаз, Главтюменьгеология, проектные институты, построен Дом техники нефтяников, в котором я в будущем буду работать в качестве социолога.

Город основательно разросся в это время: в восточной части появился новый микрорайон, застроенный «хрущевками», ТЭЦ, областная больница, два аэропорта. Появился Индустриальный институт – местная кузница нефтяных

кадров, в котором был собственный учебный телецентр (третий в стране после Москвы и Ленинграда), медицинский институт. Город разрастался, становился большим, появились кинотеатры, филармония и Дворец пионеров.

... все-таки он еще долго оставался провинцией, ведь правили областью и городом временщики, для которых Тюмень — «трамплин» для партийной карьеры.

Вы жили в старом доме Вашей семьи, в школу Вы пошли в том же районе, или она была уже в новой части города? Возможно, за годы учебы Вы сменили несколько школ, какое впечатление в целом у вас осталось от школьных лет?

Да, мое детство прошло в старом купеческом доме, доставшемся моей матери от родителей. Это был большой двухэтажный дом, с постройками во дворе. До 1943 года мама вместе с бабушкой и братом владела этим домом. После смерти бабушки Никольской Александры Алексеевны мама вынуждена была продать нижнюю часть дома. Это была классическая купеческая постройка конца XIX века с парадным и черным ходом на второй этаж. Помню, что узнав о том, что этот дом был построен до революции не только наше поколение, но и наши дети искали «клад» как в кладовых дома, так и на территории двора. Дом находился в старой части Тюмени, т.н. Царевом (Большом) Городище. Когда-то во времена Ермака на этом месте было Городище (стойбище) татарского хана. Ландшафт сохранился до сих пор: окруженный ровом высокий берег речки Тюменки.

Училась я и мои сестры в начальной школе №3, которая находилась недалеко от дома и в которой работала моя мама. Большое (мне тогда казалось) здание школы с дружным коллективом учителей. С благодарностью вспоминаю Благинину Людмилу Петровну и Шупову Нину Ивановну — моих первых учителей. Из того времени запомнилось большое количество прочитанных книг и пионерское-тимуровское шефство над неграмотной старушкой. Заданием ученицы третьего класса была «ликвидация неграмотности» отдельно взятой женщины. Я ходила к ней домой и учила ее грамоте по букварю. До сих пор помню ее радостные глаза, когда она впервые написала свою фамилию. Так я продолжила семейное дело учителей, начиная с дедушки и бабушки Никольских, и мамы. «Цепкие когти семьи» — есть такое выражение.

С пятого класса и до окончания средней школы училась в средней школе №1, которая находилась в центре города, славилась как хорошей подготовкой, так и учениками со сложным поведением («хулиганами»). В средней школе жизнь была веселее. Классы были большие и ребята делились на группы. Наша группа «интеллектуалов» и любителей ходить на каток сохранила дружбу и после окончания школы. Учителя были разными, конечно, но теплыми чувствами вспоминаю учительницу литературы Калугину Тамару Петровну, истории Саморукову Марину Семеновну. Помню, что с подругой Викой Белогуровой в 9 классе создали школьный клуб любителей кино, собирали учеников, смотрели и обсуждали фильмы. Одним из первых фильмов был «Чайковский» И.Таланкина со Смоктуновским в главной роли. В старших классах я проявляла комсомольскую активность в городском Дворце пионеров. Создавали городской клуб вожатых под руководством замечательной Полины Прохоровны Капеко. Вместе с другой подругой Олей Симоновой готовилась стать журналистом, писали заметки

в малотиражку «Связист». Стезя журналистки удалась только Ольге. Она стала известным в Екатеринбурге журналистом. Мама, обеспокоенная моим слабым здоровьем, категорически запретила думать о жизни в другом городе без материнской заботы. Школьные годы вспоминаются насыщенными, сложными и интересными. Осложнялась жизнь в школе моим непростым, независимым характером подростка, который зачастую был испытанием учителям, привыкшим к авторитарному характеру отношений с учениками.

В школе Вас окружали ребята из семей со столь же глубокой историей жизни в Тюмени или в том регионе, или в этом плане Вы были «белой вороной»?

В школе не было принято рассказывать о своих глубоких корнях. Люди больше молчали. Да и мама, рассказывая нам, не поощряла наши разговоры об истории семьи чужим людям. Когда ей не нравилось наше поведение, она произносила: «В нашей семье так не принято». Праздновалась пасха, но рассказывать о ней в школе было нельзя. Надо отметить, что социальный контроль со стороны семьи был значительным, т.к. с одной стороны, мы знали о своих предках, и это было домашней жизнью, с другой, дети учительницы должны были учиться и вести себя «примерно» всегда и везде. Это накладывало определенный отпечаток и, скорее, я чувствовала себя «белой вороной».

В какой-то момент Вы стали задумываться о том, кем стать. Какими были эти планы?

Первые мысли появились в начальной школе – конечно, учителем, как мама, как первая учительница, да и радость неграмотной бабушки запомнилась. Лет в 14 решила, что буду философом, т.к. прочитала учебник по философии старшей сестры. Мало что понимала, но какая-то магия чувствовалась. Затем в конце школьных лет планировала податься в журналистику, но смирилась с маминым решением и поступила на исторический факультет Тюменского педагогического института. Поступление совпало с проведением эксперимента: студенты получали две специальности: история с обществоведением и английский язык. Это объяснялось нехваткой учителей иностранного языка в сельских школах. Я твердо знала, что не буду работать сельской учительницей, а займусь наукой и защищу диссертацию в 37 лет. Не помню, откуда была эта мысль, но защитилась я именно в 37 лет. Какое-то было предзнание, интуиция ...

Люда, в какие годы Вы учились в институте? Как Вы сейчас оцениваете характер преподавания Вам истории и общественных наук, скажем: либеральный или консервативный? Читали ли Вам нечто относящиеся, пусть условно, к социологии? Занимались ли Вы общественной работой? Продолжали накапливать опыт в журналистике?

Я поступила в институт в 1969 году и окончила в 1975. Учиться было интересно и сложно т.к. требовалось успевать по двум специальностям: истории и английскому языку. С благодарностью вспоминаю увлекательные занятия преподавателя Древней истории Сосновкина Игоря Николаевича, по истории СССР Рощевских Павла Ивановича и его дочь – Ларису Павловну, Юкляевского Вилена Александровича – моего первого научного руководителя. Даже такие, казалось бы, казенные лекции по истории КПСС он умел прочитать интересно и с юмором. Конечно, преподавание было скорее консервативным (особенно

на истории КПСС философии и научному коммунизму). Особенно запомнились занятия на первом курсе по Древней Руси, изучение истории по документам («Русская правда», например). Прочувшись на первом курсе и умудрившись выйти замуж в первую же сессию, на втором курсе я ушла в академический отпуск по уходу за родившимся сыном. За это время экстерном сдала все предметы по специальности «история» и, вернувшись на второй курс, учила только английский язык и писала научную работу о тактике компромиссов большевиков (тему точно не помню). Научный руководитель был строг, но желания заниматься не отбил. Выступила с докладом на городской конференции и заняла второе место. А вот с английским было сложнее из-за непростого отношения ко мне преподавателя. Молодая была – утверждалась. Да Бог ей судья. С социологией встретила на последнем курсе на спецсеминаре по новейшей истории у Данилова Владимира Алексеевича. Делала доклад о польском крестьянстве на основе исследования У. Томаса и Ф. Знанецкого условий жизни и изменении личной истории, отраженные в переписке и дневниках эмигрировавших крестьян («Польский крестьянин в Европе и Америке»). Вот когда впервые я столкнулась с социологией и с темой автобиографии. Видимо от своей темы не уйдешь. (Как это?... «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» \ Екк:2–11). Так и в моей жизни: интерес к истории возник в детстве под влиянием мамы, затем – учеба, затем интерес к личной истории, тема автобиографии и социологии появилась в студенчестве. Спасибо В.А.Данилову, ведь это он назначил мне тему доклада на спецсеминаре.

Поступила в педагогический институт (основан в 1930 году – старейший в стране), а окончила университет, который был открыт 1 января 1973 года. Он был шестым в Сибири и 59-ым в стране. Окончив в 1975 году университет, я стала преподавать на кафедре Истории СССР у Степанова И.В. По совету преподавателя кафедры сдала в этот же год кандидатские экзамены (хватило знаний по английскому и философии) и была приглашена в аспирантуру Степановым – специалистом по Степану Разину и этой эпохе. Отказалась, т. к. не чувствовала интереса к научным исследованиям исторических процессов. Даже такой глубокой старины.

Что касается общественной работы, разочаровавшись, а может, исчерпав интерес, в институте\университете я больше занималась учебой и детьми, ведь на 4 курсе у меня родилась дочь. С журналистикой больше не встретила.

Вы давно и неожиданным образом вошли в социологию. Вам тогда удалось найти американские работы Томаса и Знанецкого или работали с переводами? И что прежде всего Вас привлекло: метод, результаты, дух новизны, необычности?

Это было скорее первое знакомство, не вхождение. Работы Томаса и Знанецкого читались в переводе, в журнале по истории... Привлекал, скорее, новый подход к истории: история простых людей, отдельного человека... Ведь до этого мы изучали великих людей и результаты их деятельности, события и факты (советская историография). Необычен был метод. Работа ученых основывалась на изучении личных документов, а не официальных. И содержание текста воспринималось не как социологическое (я ведь еще этого термина не знала), а историческое. Описание истории отдельных людей, уехавших в другую страну, но не

порвавших связей с родиной, близкими. Странно было, что крестьяне писали подробные письма, которые изучались как документы учеными. Так мне помнится сегодня.

Конечно, это далеко не та история, которую Вам преподавали. Доминировало представление, что субъективной информации нельзя доверять при изучении прошлого, хотя при этом – фактически – высказывалось недоверие основному двигателю истории – народу. Итак, Вы отказались от аспирантуры и погружения в эпоху Стеньки Разина. И что Вы решили делать?

В 1979 году я узнала, что в Доме техники Главтюменьнефтегаза существует должность «инженер-социолог». Это было скорее интуитивное решение, чем рациональное. Было что-то магическое в слове «социолог». Оставив работу в университете, я пошла «туда, не знаю, куда и затем, не знаю зачем». Работа потребовала образования и я начала учиться в вечернем двухгодичном университете марксизма-ленинизма при Тюменском обкоме партии, где к тому времени уже несколько лет преподавал Юрий Михайлович Федоров. Он читал все основные предметы: социальную психологию, методику социологического исследования и математические методы в социологии. Следует сказать, что в 1979 году в Тюмени уже работало несколько групп социологов. Это группа социологов в Главтюменьнефтегазе под руководством Г. М. Юрасовой, социолог А. Н. Силин в Главтюменьгеологии, В. М. Семин, А. И. Кулябин институте НИИПЛЕСДРЕВ, С. М. Бабицкая в институте ЗАПСИББУРНИПИ, Н. Брагина и В. Фадеев на моторном заводе. В. Фадеев в 1974 г. представлял заводскую социологию СССР на Всемирном съезде социологов (г. Варна). На одном из заводов работал В. Абрамов, который учился в Ленинграде у В. А. Ядова.

Работа в Доме техники нефтяников заключалась в изучении культурных предпочтений сотрудников предприятий ГТНГ. Получив консультацию в Москве у специалистов НИИ культуры, разработала программу, составила анкету, провела опрос, обработала результаты и получила информацию о том, что традиционные советские массовые культурные мероприятия были малопривлекательны для инженеров и рабочих. Требовались новые формы работы с населением. Я предложила малые формы: клубы по интересам, которые стали организовывать и проводить специалисты Дома техники. Проработав три года социологом и получив начальный опыт опросов, в 1982 году я поступила в аспирантуру по философии Тюменского индустриального института. Полученный навык пригодился при сборе информации для кандидатской в северных городах на предприятиях нефтедобычи.

Следующий раз я встретила с социологией в лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера в конце 80-х годов. Я участвовала в гуманитарной экспертизе проблем освоения тюменского Севера. Это была очень интересная, на мой взгляд, важная работа. Она показала различные аспекты гуманитарных проблем, которые были следствием агрессивной политики освоения нефтяных и газовых месторождений.

Для созданной в 1989 году Б. А. Грушиным службы изучения общественного мнения “Vox Populi” требовались организаторы групп интервьюеров. Мне предложили сотрудничество, и я согласилась провести опрос населения

Тюмени. Собрала группу заинтересованных людей и провела несколько опросов. Результаты отвозила в Москву Б. А. Грушину. Служба тогда помещалась в МГИМО, в полуподвальной части здания.

Еще одно сотрудничество с социологами – участие в опросе телевизионной аудитории института Гэллапа в качестве респондента. Случайно попав в выборку, несколько лет вся наша семья старательно отмечала (оценивала) телевизионные передачи.

Вернемся к аспирантуре. Какую тему для диссертационного исследования Вы выбрали? Кто был Ваш руководитель? Как шла работа?

Тема диссертации вполне советская, в духе времени: «Наставничество как индивидуальная форма нравственного воспитания». Тему предложил заведующий аспирантурой Владимир Иосифович Бакштановский. Предлагалось исследовать механизмы нравственной социализации. Отношения к нравственным ценностям у представителей поколений «отцов и детей», должны расходиться, иначе – какова же основа вечного конфликта... Возникал вопрос, при каких условиях взрослые: наставники, учителя (в идеале – носители ценностей) могут транслировать их подросткам и юношеству. Разработана была «зеркальная» анкета с ценностями, отношение к которым проверялось у наставников и их подшефных. Институт наставничества был распространен на предприятиях. Интересен был Север, так как там особые кросскультурные условия жизни. Изучался процесс наставничества, вернее, механизм идентификации во взаимодействии наставника и ученика.

С научными руководителями мне повезло. Заведующий аспирантурой и научным руководителем был В. И. Бакштановский, известный философ, основатель школы прикладной этики. Замечателен он был тем, что давал аспирантам возможности общения с ведущими философами, участия в научных конференциях, этических деловых играх, не препятствовал моим поездкам в Москву. Но с особой благодарностью я вспоминаю своего Учителя в науке и жизни – Юрия Михайловича Федорова. У него и Вадима Борисовича Ольшанского я училась социологии и социальной психологии. Это были годы дружбы и ученичества, которые позволили сформироваться моему научному мышлению, отношению к делу, жизни. В. Б. Ольшанский – известный социолог и социальный психолог, конструктивный критик моей работы.

Ю. М. Федоров – социолог, социальный психолог, философ, переводчик стихов с польского, поэт и мыслитель. Автор оригинального монументального трёхтомного философского труда «Сумма антропологии» (<http://www.ofedorov.ru/otec/>). Годы аспирантуры вспоминаю, как время плотной работы над диссертацией, постоянных открытий для себя, Так я стала заядлой театралкой, не пропускающей ни одного спектакля Таганки, Ленкома, МХАТа, выставок музея им. Пушкина, концертов. Часто ездила в Москву. День работала в Ленинке, вечером бежала в театр. Написала диссертацию и защитилась в положенные три года. Поскольку работа была написана на стыке социологии, социальной психологии, философии и этики, то найти подходящий диссертационный совет было не просто. Защита проходила в МГУ, на факультете философии в 1985 году. Нужно сказать, что меня постоянно окружали замечательные люди. Хочется добрым словом вспомнить Е. Ф. Сулимова и Ф. И. Минюшева (кафедра теории

и практики коммунистического воспитания, нынешняя социальной философии). Именно они согласились сначала познакомиться с работой, а потом предложили защиту в своем Совете.

В книге «Социологи России» есть информация о Ю.М. Федорове, конечно же — о В. Б. Ольшанском, он признается одним из первых советских социологов. Люда, так Вы прошли школу таких интересных исследователей и людей... Пожалуйста, расскажите о них, вспомните встречи, их советы... это очень важно для истории нашей науки...

Начну с Ю. М. Федорова, так как с его именем связана социология Тюмени. Именно он привез из Москвы идею чтения курса лекций по социальной психологии, которая трансформировалась в вечерний университет марксизма-ленинизма при котором в 1975 году открыт двухгодичный социологический факультет, где и читались Юрием Михайловичем курсы социологии, социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. На этих курсах учились будущие сотрудники социологических служб, руководители предприятий, отделов, организаций, аспиранты и преподаватели различных кафедр города. Интерес к этим лекциям был совершенно неформальным и огромным. В 1976 г. создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации и его первым председателем стал Ю. М. Федоров. Проводились научные конференции, в работе которых принимали участие социологи Новосибирска, Тюмени, Москвы.

Юрий Михайлович был человеком колоссальной эрудиции. Он посвятил меня в поэзию Уитмена, П. Неруды, Н. Хикмета, В. Маяковского, прозу Х. Борхеса, Т. Уайлдера, Кнута Гамсуна, Ф. Вийона..., в мир французский живописи 20 века. (Он и сам был поэтом и переводчиком. На его сайте можно прочитать его стихи и переводы).

Ю. М. Федоров осуществлял научное руководство первым моим исследованием и работой над кандидатской диссертацией. Руководителем был очень строгим. Будучи сам феноменально организованным и целеустремленным человеком, требовал этого же от меня. Еще одним важным качеством, по мнению Юрия Михайловича, была самостоятельность научной позиции. Сам он являл пример этого, сделав уже в 80-х—90-х годах открытие в философии. Его «Сумма антропологии» собственная философская система, монументальный труд, объемлющий все мыслимое мироздание, — от происхождения человека и человечества до того драматического срока, когда они должны дать отчет о своем существовании.

Независимость его мировоззренческой позиции была под стать его социальной позиции. Он рассказал мне однажды историю своей ссылки в Тюмень. Ссылки без кавычек. Выпускник Омского высшего общевойскового командного училища, после службы в Польше, учился Военно-политической академии им В. И. Ленина. Будучи лучшим выпускником академии, он позволил себе слова возмущения порядками, царившими не только в армии, но и в стране. Его поведение стало предметом обсуждения в Главном политическом Управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. В результате Юрий Михайлович после окончания адъюнктуры был сослан (он именно так восприни-

мал направление) в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Для меня Юрий Михайлович – пример самоорганизации, творческой и мужественной жизни, выходящей за рамки стандартного, социально одобряемого поведения.

Федоров Ю. М. был учеником В. Б. Ольшанского. От Юрия Михайловича я получила книгу Т. Шибутани «Социальная психология», которую блестяще перевел Вадим Борисович. Позднее он познакомил меня со своим учителем и другом. Я слушала знаменитые лекции Ольшанского в Москве и Тюмени, в которых он мастерски, в простой манере рассказывал аудитории об экспериментах американских ученых, не называя имен, но объясняя природу повиновения человека в разных социальных условиях.

Вадим Борисович рассказывал о своем профессиональном пути, полном интересных событий. Оказывается, Вадим Борисович собирался посвятить себя зоологии, но суровые условия жизни подростка, потерявшего родных, привели его в армейскую службу. Он делился воспоминаниями о «включенном наблюдении» – исследовании ценностей рабочего класса на заводе им. Владимира Ильича. Ему удалось стать своим среди рабочих, стоять у станка, отмечать праздники в неформальной атмосфере. Он приводил пример двойных ценностей в рассказе Абрамова «Рычаги». Именно Вадим Борисович познакомил меня с текстами рядовых отчетов социологов (не помню, какой европейской страны). Я была потрясена глубиной, структурированностью и четкостью формулировок. Помню разговор Ю. М. Федорова и В. Б. Ольшанского о предмете социальной психологии. Азарт обоих был удивителен, оба полемисты, не уступающие друг другу, но уважающие чужое мнение. Этот разговор Федоров привел в своих лекциях по социальной психологии.

Однажды мы разговаривали с Вадимом Борисовичем о требованиях к написанию научной статьи. «Статья быстро не пишется, – говорил он, – 1 страница в неделю». Это был его стандарт. Кропотливая работа с осознанием ответственности за содержание текста. Помню, спросила его, почему не напишет докторскую диссертацию. Снова узнала профессиональные стандарты учителя: докторская – открытие в науке. Для меня это мнение было и остается значимым критерием. С благодарностью вспоминаю его конструктивную критику моей кандидатской диссертации. Благодаря Вадиму Борисовичу я читала переводы текстов М. Рокича, Э. Фромма, Шуца еще в начале 80-х. Он рассказывал, как вместе с надежными коллегами добывали оригинальный текст американских социологов, социальных психологов, делили его на 4–5 частей и переводили его на русский язык, печатая на машинке. Первый экземпляр доставался тому, кто переводил свой фрагмент, остальной текст бы в разной степени читабельным. Но все равно чтение было увлекающим.

Ольшанский рассказывал о своем исследовании социальных установок методом незавершенных предложений. Феноменология обыденного мышления, роль обоснования как предпосылка и следствие межличностных отношений интересовали Вадима Борисовича в начале 80-х годов.

Я запомнила Вадима Борисовича как человека любившего жизнь, умеющего дружить с людьми. В последнее время он не мог много передвигаться и я, будучи в Москве, приезжала к нему в гости. Наши разговоры часто преры-

вались звонками его друзей, учеников, детей. Будучи прикованным болезнью к домашним условиям жизни, он написал книгу «Практическая психология для руководителей, учителей и родителей».

Помню еще, с какой горечью Ольшанский воспринимал происходящие события в стране в конце 80-начале 90-х. Он рассматривал их как катастрофу. Последнее наше совместное дело – работа над планом-программой моего исследования «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера. Планировалось социологическое исследование, научным консультантом которого согласился стать Вадим Борисович. Но последующие события в стране и в Институте Проблем Освоения Севера в Тюмени, отменили наш замысел.

Действительно, Вам повезло на встречи, с наставниками. Такое остается внутри нас навсегда.

Итак, защита кандидатской состоялась. Как это изменило Вашу жизнь? Вы продолжили работу в лаборатории прикладной этики и продолжали разрабатывать свою тематику или начавшаяся перестройка изменила и Вашу жизнь?

С защитой кандидатской закончилась целая эпоха в моей жизни, имевшая и цели, и результаты. Не только формальные, но внутренние, личностные. Мне пришлось «отрабатывать» аспирантские годы преподаванием научного коммунизма в Тюменском индустриальном институте целых 3 года. За это время я сумела договориться с пятью деканами, о важности знаний у инженеров социальной психологии. Они согласились включить в учебный процесс факультативный курс, который я читала с удовольствием. Важно было продолжать говорить на языке социальной психологии. Эти 100 часов не были включены в нагрузку и читались мною на общественных началах после возмущения преподавателей кафедры научного коммунизма: учебный курс не являлся для кафедры «своим». После «освобождения» от научного коммунизма, я получила предложение работать в лаборатории Прикладной этики ИПОСа, которой руководил В. И. Бакштановский. Была идея провести исследование «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера, об этом я писала выше. Помню, как возвращалась из очередной поездки из Москвы вечером 18 августа 1991 года. В дороге узнали о путче. Первой мыслью было: «Слава Богу, что сын вернулся из армии».

Не предполагала, как развернутся события в стране и моей жизни. 90-е годы были сложными. Лаборатория закончила свое существование, и я перешла преподавать социальную психологию учителям и психологам в областной ИПК педагогических кадров. Пришла востребованность моего курса. С самого начала преподавания социальной психологии и до сих пор, в начале я говорю «спасибо» своим Учителям: Юрию Михайловичу и Вадиму Борисовичу. Во многом я чувствую себя их ученицей и сегодня.

В 1993 году судьба моя резко повернула в прикладную социальную психологию. Я с группой единомышленников придумала концепцию и создала психологическую службу в Калининском районо. Идея была проста и актуальна. Это было время, когда взрослые теряли работу, опору в жизни и старались выжить в новых условиях. Дети оказались на периферии их внимания. Жизнь учителей была не проще. В школе должны были появиться люди, которые могли бы

любить детей и оказывать им профессиональную помощь в трудных жизненных ситуациях и интеллектуальном развитии. Профессиональная помощь требовалась и учителям и родителям. Для такой работы требовались специалисты, и мы начали готовить психологов на биологическом факультете Тюменского государственного университета. За 6 лет мы подготовили психологов для школ не только района, но города и области. Большую помощь нам оказали питерские психологи А. И. Вовк, С. И. Сергеев из института Личности, согласившиеся сотрудничать с нами. Они проводили семинары и тренинги, на которых начинающие психологи, учителя, директора школ, заведующие и воспитатели детских садов получали гуманистическую подготовку, навыки консультирования. В каждой школе были созданы психологические службы. Не всем была по вкусу наша активность, и после ухода с заведования районо нашего ангела-хранителя Поршнева В. А. нашу службу в 1999 году ликвидировали, как финансовую обузу. Разрушены были и школьные психологические службы. Этот процесс был, конечно, вызван и сменой идеологии в стране. Не скрою, тяжело было терять детище, созданное таким трудом.

Мои сотрудники разбрелись по городским службам и вузам. Несколько из них защитили кандидатские и докторскую диссертации. Главное, они несли в себе нашу идею помощи людям, которым трудно. Я стала заниматься преподаванием сначала в Тюменском нефтегазовом университете, затем в Тюменском государственном университете. Сегодня я не только читаю социальную психологию, психологию рекламы, организационную психологию, но и занимаюсь консультированием организаций. Несколько лет назад обучилась медиации и теперь занимаюсь посредничеством в разрешении конфликтов. Все мои сегодняшние занятия вышли из социальной психологии.

Как оценить значение этих трудных лет? Обретение новых целей и смыслов, опыт сотрудничества с удивительными людьми. Я научилась видеть насколько талантливы могут быть люди, какие силы в них есть для преодоления трудностей. Научилась думать не о своих успехах, а в первую очередь о других людях. За эти годы потерь и обретения новых целей и смыслов мне не стыдно. Если первую половину жизни человек живет для себя, своих результатов и опыта, то вторая половина жизни подчинена ответу на вопрос: «Что останется после тебя?».

По-моему, так бывает лишь в романах; разве нам дано знать, где кончается первая и начинается вторая половина жизни... на тему, что останется после... тоже бесполезно думать, не нам решать... но дети, внуки — это точно... Люда, выше Вы заметили, что с социологией встретились через изучение автобиографий... но недавно Вы писали мне, что анализируете автобиографии советских/российских социологов, собранные в проекте, для которого Вы и рассказываете о себе... Пожалуйста, расскажите, что и как Вы изучаете и каковы самые первые результаты...

Еще лет 10 назад, меня заинтересовала тема поиска человеком своего Пути. Поняв необъятность затеи, я сконцентрировалась на профессиональном пути (Пути) и жизненном опыте человека. Результатом первого этапа исследования была статья, в которой сформулированы основные положения. Драма жизненного пути человека включает в себя различные этапы его личной истории: детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Частью этой истории является время жизни, проживаемое в профессии. Часто его называют профессиональ-

ный путь, путь в науке, а профессию — делом жизни. Возможно, поэтому повествование человека о своем профессиональном пути во многом совпадает с его жизненным путем.

Жизненный путь человека я определяю как траекторию процесса его жизненно важных событий, имеющих продолжительность, периодичность, этапность, сюжетность, в ходе которых человек ставит цели, стремится к результатам, получает личный опыт, содержание и смысл которого может быть предметом субъективной рефлексии.

Профессиональный путь человека — это часть его личной истории, связанная с профессиональной деятельностью, разворачивающаяся в определенных социокультурных и исторических условиях. Описание жизненного и профессионального пути человеком носит ретроспективный характер, оно чаще всего происходит в середине или во второй половине жизненного пути, когда подводятся первые итоги, осмысливается жизненный и профессиональный опыт. Первой эмпирической базой исследования послужили материалы проведенных сотрудниками Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского нефтегазового университета (руководитель — В. И. Бакштановский) исследований «Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса, 20 рефлексивных биографий», и «Жизнь в профессии». Это материалы рефлексивных профессиональных биографий преподавателей Тюменского нефтегазового университета. Завершение первого этапа работы позволило сформулировать основные элементы структуры профессионального (жизненного) пути.

Побывав на Вашей, Борис Зусманович, лекции для студентов и преподавателей кафедры социологии ТюмГУ, я познакомилась с Вашей историей и узнала о проекте МБИ. Для исследования феноменологии профессионального или жизненного пути, необходимо, на мой взгляд, обратиться к текстам уже отрефлексированного человеком собственного жизненного или профессионального опыта. Этот опыт чаще всего называют автобиографическим, и получить его можно с помощью биографических методов, например, интервью. Это тексты, содержание которых посвящено прожитым и продуманным событиям, переживаниям, встречам и отношениям. Вот почему тексты автобиографических интервью, собранные Вами, являются важным материалом для понимания не только содержания жизни, но и значимости ее событий для человека. Тексты автобиографий — это своеобразная точка сборки жизненного опыта, в которой сконцентрированы важные события, смыслы, наполнившие жизнь людей.

Мне интересно найти ответы на вопросы, связанные не столько с описанием жизненной линии, сколько со смыслами, трудностями, способами их преодоления и последствиями опыта, полученного в процессе преодоления этих трудностей, с определения главных событий в жизни человека; понять, с чем или с кем они связаны, их влияние на дальнейший путь, с пониманием или осознанием смысла происходящих событий; узнать каков способ реконструкции событий автором, каковы основные категории, в которых человек описывает свой жизненный путь, представления человека о своей роли в на своем пути и на каждом этапе, о том, как им определяется идентичность, каковы характер системы ценностей и кто повлиял на ее формирование, на сколько она транс-

формировалась на каждом этапе и под влиянием каких факторов (люди, события, переживания, смыслы или еще что-либо), а также изучить другие проблемы, связанные описанием и пониманием человеком своего жизненного пути.

Погрузившись в содержание текстов, я поняла, что моя идея структурировать жизненный путь и опыт не лишена смысла. На сегодняшний день исследовано несколько тем, содержащихся в автобиографиях социологов нашей страны: «Метафора как средство рефлексии жизненного и профессионального опыта», «Архетип помощника в текстах рефлексивных биографий», «Жизненные события в текстах рефлексивных биографий». Есть намерения исследовать темы, посвященные опыту Встречи на жизненном и профессиональном пути и локусом семьи в жизненном пути.

В работе использовался контекстный контент-анализ и экспертный опрос. Для обработки полученных данных были использованы методы статистической обработки: критерий хи-квадрата и коэффициент корреляции Пирсона, таблицы сопряженности. Работа не была бы возможна, если бы ею не заинтересовались мои студенты, ставшие моими единомышленниками. Результаты части нашей работы опубликованы в статьях научных журналов. Я увлечена процессом исследования жизненных историй, опыта людей, проживших удивительные по содержанию события жизни, способных отрефлексировать их в своих автобиографиях.

Удивительным образом, моя первая встреча с социологией, начавшаяся с доклада о У. Томасе и Ф. Знанецком, исследовавших биографическим методом опыт жизни польских крестьян, «встретилась» с сегодняшним исследовательским интересом, материалами для которого являются тексты автобиографий, собранные Вами, Борис Зусманович.

Спасибо, Люда. Долгое и драматичное прошлое Вашей семьи старанием Вашей мамы определило не только Вашу профессию, но и отношение ко многому, что вас окружает. И социологом Вы стали в силу интереса к личным историям. Все целостно, все неразрывно.